Ольга Кольянова

Смотритель Реки. Хроники Нижней заводи

Ольга Кольянова

Смотритель Реки. Хроники Нижней заводи

https://litres.ru/74704409
SelfPub; 2026

Аннотация

Сказка о том, как Егор всю жизнь мечтал уехать из Заречья и никогда не возвращаться. Но пиратов расформировали, пожарных в деревне не было, а из города пришло казённое письмо с гербом: он, как последний представитель рода, наследует реку Студёнку в полном составе с берегами, омутами, бродами и «всем прилегающим населением, живым и не вполне».

Так Егор становится смотрителем. Работа нехитрая: вести книгу учёта, брать плату, сдавать в аренду омуты, разбирать споры кикиморы с мавками за баню и выслушивать претензии лешего на двадцать две сосны. Плата, правда, странная утопленница в год, тень в жаркий день, покой в доме. А наказание за неведение одно: река.

А потом вода начинает уходить.

Содержание

Глава 4
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Ольга Кольянова
Смотритель Реки. Хроники Нижней заводи

Глава

Глава первая. В которой реку сдают в аренду

Если бы Егору в детстве сказали, что он станет смотрителем реки, он бы обиделся. В детстве он мечтал быть пожарным, потом — пиратом, потом — просто уехать из Заречья и никогда не возвращаться. Но жизнь распорядилась иначе: пиратов расформировали, пожарных в Заречье не было, а из города пришло письмо.

Письмо было казённое, с гербом и запахом казённого сургуча. В нём сообщалось, что Егор, как последний представитель рода, наследует «реку Студёнку в полном составе, с берегами, омутами, бродами, а равно со всем прилегающим населением, живым и не вполне».

Последняя строчка Егору не понравилась.

Он перечитал её трижды, потом пошёл к бабке Нёне, которая одна во всей деревне знала всё и никому не рассказывала.

— Наследство, — сказал он. — Река.

Бабка Нёня помешала щи и не удивилась.

— Ну дак. Дед твой был смотрителем. Отец был. Теперь ты.

— А почему я об этом только сейчас узнаю?

— Дак померли они. — Бабка Нёня пожала плечами так, будто это всё объясняло. — Раньше-то незачем было. А теперь ты один остался. Кто-то ж должен с них плату брать.

— С кого?

— С них.

— С кого «них»?

Бабка Нёня посмотрела на него как на дурака и вернулась к щам.

Смотрительская изба стояла на берегу и выглядела так, будто её строили в спешке и с похмелья. Крыша просела, окна заросли мхом, а на двери висела табличка, вырезанная от руки:

СМОТРИТЕЛЬ РЕКИ. СТУЧАТЬ ДВА РАЗА. ПОСЛЕ ЗАКАТА НЕ СТУЧАТЬ ВООБЩЕ.

Егор постучал два раза. Никто не открыл. Он постучал ещё раз, для верности, и дверь отворилась сама — со скрипом, который, судя по который, судя по всему, был здесь единственным звуком, не считая реки.

Внутри пахло пылью, сушёной рыбой и чем-то ещё — мокрым и старым, как подвал. На столе лежала книга. Толстая, в кожаной обложке, с застёжкой из почерневшей меди. На обложке было вытиснено:

КНИГА УЧЁТА РЕКИ СТУДЁНКИ

Год заведения: не помним.

Ведётся: неукоснительно.

Наказание за неведение: река.

Егор открыл застёжку. Застёжка щёлкнула, как зубы.

Страницы были исписаны разными почерками — от аккуратного писарского до совсем уж корявого, будто царапали гвоздём. Егор пролистал до последней записи.

«День XXX. Сдал в аренду омут у Кривого броду. Арендатор — водяной средней руки, зовут Мокша. Условия: подать — одна утопленница в год, желательно не своя. Записи веду. Егор Петрович, смотритель».

Егор перечитал. Потом ещё раз. Потом захлопнул книгу и посмотрел на реку в окно.

Река смотрела на него в ответ.

Глава вторая. В которой кикимора получает справку, а мавки график.

Первым клиентом стала кикимора.

Она пришла на рассвете, не постучав — табличку, судя по всему, она читать не умела, а может, и не хотела. Дверь распахнулась сама, и на пороге возникло нечто маленькое, сморщенное, в лохмотьях, с глазами разного цвета: один зелёный, другой серый. От неё пахло болотом и немного — мокрой шерстью.

— Новый, — сказала кикимора. Голос был скрипучий, как несмазанная петля. — Старого помню. Хороший был.

Платил вовремя.

— Я его не знал, — честно сказал Егор.

— И я не знала. Но платил исправно. — Кикимора прошла в избу, села на лавку, не спрашиваясь, и вытянула ноги в лаптях, из которых торчали такие когти, что Егору захотелось убрать руки со стола. — Мне вот чего надо. Баньку мне верни.

— Какую баньку?

— Мою. Ту, что на том берегу, за ивами. Я в ней сто лет жила, мылась, людей пугала. А нынче туда мавки повадились. Поют, волосы чешут, воду муутят. Мне мыться негде.

Егор заглянул в книгу учёта. Пролистал страницы. И правда — запись была: «Баня на том берегу. Записана за кикиморой, девицей преклонных лет. Аренда бессрочная, плата — покой в доме».

— Тут написано, что баня ваша, — сказал он.

— Дак и я про то! — кикимора всплеснула руками так, что с них полетели брызги, а брызги, Егор готов был поклясться, полетели вверх, а не вниз. — Баня моя! А эти… эти… — кикимора поискала слово, не нашла и махнула рукой: — Эти поют!

— Поют — это плохо?

— Поют — это плохо, когда без спросу. Ты, — она ткнула в Егора когтистым пальцем, — смотритель. Вот и смотри. Или я на тебя управу найду. У меня зять — леший. Он тебя так закрутит, что сам себя в трёх соснах не сыщешь.

Егор вздохнул так, как вздыхает человек, который всю жизнь хотел быть пиратом, а стал бюрократом при нечистой силе.

— Пойдём посмотрим, — сказал он.

Банька стояла именно там, где сказала кикимора: за ивами, на самом берегу, наполовину вросшая в землю, с просевшей крышей и дверью, которая была приоткрыта.

Из двери доносилось пение. Тонкое, тягучее, красивое до того, что зубы ломило. Егор никогда не слышал такого пения — оно текло в уши, как река в половодье, и хотелось стоять и слушать, слушать, пока ноги не врастут в берег.

Кикимора дёрнула его за рукав.

— Вот! — прошипела она. — Вот так они и манят. Ты не слушай, ты головой тряси. А то уйдёшь, как тот рыбак. Помнишь рыбака?

— Не помню.

— И не помнишь, потому что ушёл. А потом нашли. В омуте. С улыбкой. — Кикимора многозначительно подняла палец. — С улыбкой, слышь. Так что тряси головой.

Егор потряс головой. Помогло ненамного.

Он подошёл к бане и постучал.

Пение оборвалось, как обрезанное. Из двери высунулась голова — девичья, красивая, с мокрыми волосами и глазами цвета стоячей воды.

— Чего? — спросила голова неласково.

— Я смотритель реки, — сказал Егор. — Тут вот товарищ

жалуется, что вы в её бане…

— В чьей бане?

— В её. — Егор кивнул на кикимору, которая стояла в трёх шагах и всем своим видом изображала оскорблённую добродетель.

Голова посмотрела на кикимору, потом на Егора, потом опять на кикимору, и выражение у неё сделалось такое, будто ей предложили умыться насухо.

— Это не баня, — сказала она. — Это клуб.

— Что?

— Клуб. Мы тут поём. По средам и субботам. И по воскресеньям, если погода. — Голова оглянулась внутрь и крикнула: — Девочки, у нас смотритель!

Из бани высунулись ещё три головы. Все мокрые, все красивые, и все смотрели на Егора с живейшим интересом, от которого ему захотелось встать за кикимору.

— Ой, — сказала одна. — Смотритель. А старый был толще.

— Старый был добрее, — сказала вторая.

— Старый нам полати уступил, — сказала третья.

Егор заглянул в книгу, которую предусмотрительно взял с собой, пролистал книгу до нужной страницы и нашёл там всё, что нужно. Запись была старая, чернила выцвели до цвета чая, но читалось: «Баня на том берегу. За кикиморой. Бессрочно. Плата — покой в доме». И ниже, другим почерком, приписка: «Мавкам не давать. Поют».

— Вот, — сказал Егор и показал книгу. — Тут написано: баня ваша.

Кикимора торжествующе выпрямилась.

— Но, — продолжил Егор, — тут же написано: «Мавкам не давать». А вы, — он повернулся к головам в двери, — вообще не написаны. Вас в книге нет.

Головы переглянулись.

— Как это нет? — обиделась та, что была красивее всех. — Мы тут поём с незапамятных времён.

— В книге нет, — повторил Егор. — А книга — документ. Кто не написан, тот не существует. Юридически.

Наступила тишина. Даже река, кажется, притихла, чтобы послушать, чем это кончится.

— Так запиши нас, — сказала наконец вторая мавка.

— Не могу, — сказал Егор, и это была чистая правда: он понятия не имел, как вписывают в книгу учёта русалок. — Но могу вписать баню в пользование. По графику.

— По какому ещё графику?

Егор взял со стола огрызок карандаша и на обороте какой-то старой квитанции написал:

Кикимора — утро, до полудня. Мыться, париться, пугать.

Мавки — вечер, после заката. Петь, чесать волосы, не манить.

— Вот, — сказал он. — Утром баня её. Вечером — ваша. И чтобы без самодеятельности: не манить, не топить, не заманивать рыбаков. Рыбаки у нас и так пуганые.

— А если погода? — спросила третья мавка. — Мы в дождь особенно поём.

— В дождь поёте в очередь, — отрезал Егор. — Всё, я записываю.

Он вписал в книгу новую строку, и застёжка щёлкнула сама собой, будто одобряя.

Кикимора осталась недовольна.

— Мне справку, — сказала она. — Что баня моя.

— Какую справку?

— Бумажку. С печатью. А то эти, — она кивнула на мавок, — опять скажут, что не моя.

Печати у Егора не было. Печать была у бабки Нёни — старая, деревянная, с изображением чего-то, что бабка Нёня называла «гербом, а может, и нет». Егор вздохнул, оторвал от квитанции уголок, написал на нём: «Баня — кикиморына. Подтверждаю. Смотритель», — и поставил оттиск собственного большого пальца, предварительно мазнув его чернилами.

Кикимора посмотрела на палец, потом на бумажку, потом спрятала бумажку за пазуху и ушла, очень довольная.

Мавки тоже остались довольны — настолько, что запели прямо на месте. Егор заткнул уши и пошёл домой.

Глава третья. В которой появляется девочка с папкой

Девочка пришла в четверг, в самый разгар учёта.

Егор как раз сидел над книгой и пытался понять, что делать с записью «Омут у Кривого броду. Арендатор — Мокша. Подать — одна утопленница в год». Запись была не его, но отвечать, судя по всему, предстояло ему.

Дверь отворилась без стука — табличку, как выяснилось, вообще никто в Заречье не читал, — и на пороге встала девочка. Лет, наверное, двенадцати. В жёлтом дождевике, в резиновых сапогах не по размеру, с папкой под мышкой и с таким лицом, будто она пришла не в избу смотрителя, а на важное совещание.

— Здравствуйте, — сказала она. — Вы смотритель?

— Я, — сказал Егор.

— Хорошо. — Девочка прошла в избу, села на лавку и

раскрыла папку. — Меня зовут Варя. Я из города. У меня к вам дело.

Егор посмотрел на папку. Папка была толстая, с завязками, и на ней было написано от руки: «РЕКА. ВСЁ».

— Ты… — начал он.

— Я знаю, что вы хотите сказать, — перебила Варя. — Что я маленькая. Это неважно. Важно вот что. — Она вытащила из папки лист и положила его на стол. — Ваша река пересохла в трёх местах. У Кривого броду вода ушла на полметра. У Чёрной заводи появилась отмель. А под ивами, где баня, вообще лужа. Я всё измерила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.